

Что и говорить, имя Владимира Николаевича Соколова стоит особняком даже среди авторов так называемой «тихой» поэзии, что говорит о таланте со своим лицом, о гармоничном сочетании личности и стихов. Одно из подтверждений этому – «Что-нибудь о России?..», одно из самых значимых его произведений.

Что-нибудь о России?
Стройках и молотье?..
Всё у меня о России,
Даже когда о себе.

Я среди зелени сада
И среди засухи рос.
Мне непонятна отрада
Ваших бумажных берёз.

Видел я, как выбивалась
Волга из малых болот.
Слышал, как песня певалась
И собиралась в поход.

Что-нибудь о России,
Стройках и молотье?..
Всё у меня о России,
Даже когда о тебе.

Ни слова, ни слога лишнего. И как много смысла! «Стройках и молотье» – это явный намёк на ожидания от поэта, входившего в своё время в круг таких корифеев публицистики, как Рождественский и Евтушенко, – более активного творческого участия в жизни страны с её гигантскими стройками и комсомольским энтузиазмом. Хотя и в душе, и во многих строках,

особенно на первых порах, он совершенно искренне был «попутчиком» комсомола, его трудовых достижений.

Душа – довольно трепетное дело.
В райкоме нашем я с учёта снят.
А вот душа ничуть не омертвела
И всё вперед летит, а не назад.

(«Разговор с секретарём»)

И всё-таки исподволь Соколов уже чувствовал своё предназначение как лирического поэта, незря он так любил Афанасия Фета.

Вдали от всех парнасов,
От мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет.

(«Вдали от всех парнасов...»)

Проницательный читатель тут же ввернёт: а Некрасов?

И тут всё просто. Во-первых, Николай Алексеевич – не только борец за судьбу народную, но и прекрасный лирик («Ты всегда хороша несравненно...», «Я не люблю иронии твоей...», «О, письма женщины, нам милой!..», «Мы с тобой бестолковые люди...» и другие стихи), а во-вторых, отец Владимира Соколова был строителем, и будущий поэт немало поколесил с ним по стране и совершенно искренне гордился молодыми строителями, разделяя их гражданский пафос. Так или иначе это проявилось в первых сборниках поэта, причём и в конце жизни он не отрекался, как некоторые, от таких стихов. Другое дело, талант писателя всё чаще сам вёл его к более глубоким для души темам, тем более, что вырос Володя среди природы русской провинции, и самый родной ему город – Лихославль, что на тверской земле. Вот откуда такое нежное, а позднее и глубокое чувство ко всему, что согревало его душу до конца дней.

Я люблю эту землю свою,
У которой всегда на краю.
Потому что тоскую по ней
Среди множества улиц и дней.

Потому что я свой человек,
Там, где в озеро падает снег,
Где колодезный кличет журавль:
Лихославль, Лихославль, Лихославль!

(«Лихославль – это город полей...»)

Вернёмся к стихотворению «Что-нибудь о России?..»

Строка «Ваших бумажных берёз» – явный намёк на множество графоманских произведений, так или иначе перепевающих и есенинские, и другие строки, чаще всего уже штампы о «милых сердцу берёзках».

И две строки – «Даже когда о себе» и «Даже когда о тебе». «О себе» – потому что нет для него жизни без родины, «о тебе» – потому что любовь и родина, особенно малая, слились в его сердце навсегда. Вот что такое стихи настоящего поэта, когда строки – только небольшая часть айсберга, именуемого Поэзией.

Дорога в Литературу была непростой, учитывая особенность не только поэтического, но и личного склада поэта, более чем драматические перипетии его судьбы. Но в одном для него не было сомнения: «Станным, быть может, образом, но я с детства был уверен в том, что я писатель, а с отрочества, что я поэт».

Судьба устроила ему знакомство с известной тогда писательницей Еленой Благиной, которая взяла шефство над начинающим автором, научив со стороны смотреть на свои строки, работать над ними серьёзно. И не удивительно, что дорога его привела в Литературный институт, а это уже – весомая база знаний, постоянное участие в работе творческих семинаров, которыми руководили, как правило, известные писатели.

Поступил он туда в 1947-м, а уже на следующий год появилась первая публикация – стихотворение «Памяти товарища», связанное с темой войны, о чём позднее писал Евгений Евтушенко: «О Рождественском и обо мне иногда говорили как о поэтах, якобы впервые выразивших поколение, чьё детство прошло во время Великой Отечественной. Но это не так. За несколько лет до того, как мы только приступили к теме войны с точки зрения не воевавших, но мечтавших воевать мальчишек, Соколов уже писал:

Но в коридоре, становясь под знамя,
Мы верим ложной гибели сполна
И не догадываемся, что с нами
Играет настоящая война».

(«Начало»)

А через пять лет вышла из печати его первая книга стихов – «Утро в пути».

В эти годы, богатые на контакты, он общается с близкими ему по духу и творческому стилю Анатолием Передревым, Станиславом Куняевым, Николаем Рубцовым, о чём говорит, к примеру, обращение к Передреву в 1965 году.

Слушай, Толя, прочти мне скорее стихи
О твоём возвращенье в родительский дом.
У меня, как я слышал, цветут лопухи
Там, где рос я, не зная, что будет потом.
...Прочитай же скорее, прочти мне стихи
О возврате твоём под родительский кров.
У меня в Лихославле поют петухи
И вздыхаются нежные очи коров.

(«Другу»)

Через пять лет, в 1958-м, вышла вторая книга стихов Соколова «Трава под снегом», позднее – «Смена дней», «Разные годы», а сборник стихотворений «Снег в сентябре» встретил положительные отзывы таких известных знатоков литературы, как Вадим Кожинов и Александр Михайлов. И если в первом сборнике ещё были ощутимы поиски своего почерка, своего поэтического мира, то далее уже всё чаще заявлял о себе сложившийся поэт – со своей темой, своим ощущением гармонии – и в человеческой жизни, и в природе.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты меня не оставляешь,
Что ты лица не закрываешь,
Себя не прячешь ни за что.

Спасибо, музыка, за то,
Что ты единственное чудо,
Что ты душа, а не причуда,
Что для кого-то ты ничто.

Спасибо, музыка, за то,
Чего и умным не подделать,

За то спасибо, что никто
Не знает, что с тобой поделаться.

(«Спасибо, музыка, за то...»)

Тут уже чувствуется мастер. Кажется, что такого в последней строке «Не знает, что с тобой поделаться»? А она красноречивей всех эпитетов – конечно, для тех, кто умеет слышать музыку Поэзии. Поэт хорошо знает довольно жёсткие слова классика «Мысль изречённая – есть ложь», и не скрывает своего недостижимого, но такого понятного в применении к его поэзии желания.

Как я хочу, чтоб строчки эти
Забыли, что они слова,
А стали: небо, крыши, ветер,
Сырых бульваров дерева!

Чтоб из распахнутой страницы,
Как из открытого окна,
Раздался свет, запели птицы,
Дохла жизни глубина.

(«Как я хочу, чтоб строчки эти...»)

Но стихи стихами, а у повседневной жизни свои законы. И вот она – встреча с первой большой любовью. И звали её Хенриэтта Попова. Дочь солнечной Болгарии, будущий философ, студентка МГУ. Любовь была взаимной, ради Владимира будущая жена развелась с мужем и подарила поэту сначала сына, потом дочь. Вполне приличное жильё, удовлетворение работой, маленькие дети... В стихах Соколова стала всё чаще проявляться тема Болгарии... Но внезапная страсть Хенриэтты к одному из известнейших поэтов во время длительной командировки мужа смешала все семейные карты, и, будучи грубо оборванной на самом взлёте, привела женщину к трагедийной развязке. Гибель жены тяжело легла на сердце поэта, не отпускала несколько лет. И вторая женитьба не принесла радости.

Вот мы с тобой и развенчаны.
Время писать о любви...
Русая девочка, женщина,
Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
Возле одной из церквей.
Там не признал этой росстани
Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
Не позабыв ничего,
Как удивительно в паузах
Воздух поёт за него.

...Видишь, за облак барашковый,
Тая, заплыл наконец
Твой васильковый, ромашковый
Неповторимый венец.

(«Венок»)

Наяву – шедевр лирической поэзии. Чего только стоят эти две строчки: «Как удивительно в паузах / Воздух поёт за него»!

Можно и «выдать» секрет мастерства поэта. По словам Владимира Николаевича, «необходимо так обращаться со словом, чтобы оно легко и плотно облекло мысль и чувство». Что и удавалось поэту множество раз.

Надо сказать, что талант Владимира Соколова не свалился с неба, поскольку вырос он в образованной семье. С высшим образованием был его отец, Николай Семёнович и, несмотря на пресловутое гонение в качестве «врага народа» – вкуче с тюрьмой, был ценим властями как успешный и перспективный инженер-строитель.

Мать, Антонина Яковлевна, вообще была очень близка к русской культуре: знала наизусть «Евгения Онегина», любила творчество Блока, Ахматовой, Северянина и других известных тогда поэтов. И это не случайно: за плечами – Петербургский Институт истории искусств. А Володя с сестрой Мариной каждое лето проводили у бабушки в Лихославле, который будущий поэт полюбил навсегда. Ранняя встреча с русской поэзией и природа тверского края – вот основа его творческого роста.

Кроме того, дядей Владимира был не кто иной, как известный в своё время писатель Михаил Яковлевич Козырев, автор нескольких сатирических книг в прозе, который тоже не избежал участи «врага народа» и погиб в 1942 году в тюрьме. Кстати, на его стихи написаны такие известные и ныне песни, как: «Эх, Андрюша...», «Называют меня некрасивою...», «Недотрога» и другие. Естественно, это была не только родственная, но и творческая связь с гeroем моего очерка.

Мало того, и сестра Марина постепенно увлеклась писательством, создала интересные рассказы о своих рабочих поездках в качестве гидролога и просто о жизни.

Так что все эти факты вкупе не оставляют сомнения в том, что будущий известный поэт Владимир Соколов так или иначе имел очень благодатную почву для своего культурного развития.

Аресты же в разное время отца и дяди по-своему оставили отпечаток в памяти. Не случайно многие, хорошо знавшие поэта, подчёркивали глубоко таящееся в нём чувство, похожее на вину. Словно он, подросток, мог быть виноват в том, что происходило с его родными, а позднее – что не славил во весь голос комсомольские и другие стройки, а также всё, что происходило в стране. В этом плане интересны такие его строки:

Чего ты хочешь, умный век,
В турбины заключивший воды?
Ну, лирик я, ну, человек
Из вымирающей породы.

...От бед твоих не в стороне,
Я отзовусь, ты лишь покликай.
Ты ошибаешься во мне,
Как и в душе своей великой.

(«Чего ты хочешь, умный век...»)

И, конечно же, поневоле вспоминаются его известные строки «Я устал от двадцатого века» из посвящения актёру Валентину Никулину:

Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек...

(«Я устал от двадцатого века...»)

Надо заметить, что последняя здесь строка полна того состояния, в котором находился поэт после гибели Хенриэтты. А первые строки – конечно, главные и фантастически правдивые, как оказалось, не только на период середины XX века. Причём знатоки творчества Соколова знают, что начальная строка была впервые произнесена и опубликована другим поэтом, Кириллом Ковальджи. Однако он великодушно признался, что у Соколова эти слова попали в десятку, значит, все права на них – у Владимира Николаевича.

Был аналогичный случай со стихотворением и самим словосочетанием «Звезда полей», когда Николай Рубцов вытянул его из недр памяти (а это было стихотворение Владимира Соколова) и создал лирический шедевр, а после выпустил и сборник стихов с тем же названием.

А кто не помнит, что некоторые строки, да и весь замысел пушкинского стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» не были первозданными, они прямиком вели к «Памятнику» Державина. Но гений Пушкина дал им иную, совершенную жизнь, сделал достоянием всего образованного мира. И в этом – ещё одно доказательство, что о больших художниках и судить надо совсем по иным критериям.

Было бы странно, если бы у такого тонкого лирика, как Владимир Соколов, своё особенное место не занимали стихи о любви. В том числе в случае, когда по какому-то тайному закону неудачи в личной жизни восполняются поэзией, и в этом, возможно, счастье творца, равновесие, необходимое для души.

Нет сил никаких улыбаться,
Как раньше, с тобой говорить,
На доброе слово сдаваться,
Недоброе слово хулить.
Я всё тебе отдал. И тело
И душу – до крайнего дня.
Послушай, куда же ты дела,
Куда же ты дела меня?

На узкие листья рябины,
Шумя, налетает закат,
И тучи на нас, как руины
Воздушного замка, летят.

(«Нет сил никаких улыбаться...»)

И снова – ничего из ряда вон выходящего, кроме последних двух строк, а стихотворение буквально забирает читателя со всеми его потрохами.

Но и две последние строки «И тучи на нас, как руины / Воздушного замка, летят» – веский финал вроде бы абсолютно лирического произведения. Вот на таких стихах сам Бог велел учиться мастерству нашим молодым поэтам.

Самый последний сборник Владимира Николаевича вышел за год до его ухода из жизни, в 1996 году, и был посвящён своей последней любви и жене Марианне Евгеньевне Роговской. Он так и назывался: «Стихи Марианне».

Ты плачешь в зимней темени,
Что годы жизнь уводят.
А мне не жалко времени,
Пускай оно уходит.

...Не надо плакать, милая,
Ты наших поколений.
Стань домом, словом, силою
Больших преодолений.

Тогда и в зимней темени
Ты скажешь и под старость:
А мне не жалко времени,
Уйдёт, а я останусь!

(«Ты плачешь в зимней темени...»)

Мне кажется, творчество Владимира Соколова ещё не оценено в полной мере. Понятно, большое видится на расстоянии, и 20 лет после его ухода – небольшой для этого срок. Естественно, даже у гениев не бывает сто процентов шедевров, ведь они – тоже люди со своими праздниками и бедами, сомнениями и творческими взлётами. И у Владимира Николаевича есть вещи, к примеру, поэмы, которые не могут соперничать с его великолепной в большинстве случаев лирикой. Надеюсь, что кто-нибудь из истинных ценителей русской поэзии соберёт всё самое лучшее, найдёт издателя – и уже ни у кого не останется сомнений, что Владимир Соколов – поэт Божьей милостью и достоин своего, особого места среди избранных поэтических имён России.

Стоит заметить, что в разное время поэт не был обделён признанием заслуг перед государством – как здесь, так и за границей. Вот некоторые примеры этого: лауреат Государственной премии СССР (1983), первый лауреат Государственной премии России им. А. С. Пушкина (1995), лауреат Международной Лермонтовской премии (1996), кавалер ордена Кирилла и Мефодия и Международной премии имени Н. Вапцарова (Болгария, 1977, 1989 гг.) и другими наградами, достойными его таланта.

А в городе Лихославле, так любимом Соколовым, его именем названа Центральная библиотека, вблизи которой напоминает о поэте памятный камень.

Хотел бы я долгие годы
На родине милой прожить,
Любить её светлые воды
И тёмные воды любить.

И степи, и всходы посева,
И лес, и наплывы в крови
Её соловьиного гнева,
Её журавлиной любви.

...Хочу я любовью неустной
Служить им до крайнего дня,
Как звёздам, как девочке русой,
Которая возле меня.

(«Хотел бы я долгие годы...»)

Я думаю, что Владимиру Николаевичу Бог даровал долгие годы «на родине милой прожить», и эти сроки продлятся до тех пор, пока Россия не утратит своего слуха по отношению к Поэзии. И тут невольно вспоминаются строки Давида Самойлова:

Стихи читаю Соколова —
Не часто, редко, иногда.
Там незаносчивое слово,
В котором тайная беда.

И хочется, как чару к чаре,
К его плечу подать плечо —
И от родства, и от печали,
Бог знает от чего ещё!..

(«Стихи читаю Соколова...»)